

— Госпожа хочет взять наложницу, а градоначальник первым же делом против! Все мы мужчины, и для кого эта наложница берется? Пожар в собственном заднем дворе — это не шутки...

— Разве градоначальник не под каблуком у собственной жены?

— Кто хочет — бьет, кто хочет — терпит. Нам, простым обывателям, лишь бы поглазеть на представление.

Лянцзянь чихнул и подумал, кто же это снова вспоминает его недобрым словом. Он приподнял веки и посмотрел на Гу Цзинмо, который как раз собирал вещи.

Он проворчал:

— Император мог бы просто издать указ, если хотел вернуть тебя в столицу, а не устраивать эти крутые виражи с твоим повышением. Я за эти годы бегал за тобой по всей стране, до смерти устал.

Гу Цзинмо с улыбкой ответил:

— Разве мы не возвращаемся в столицу именно сейчас?

— Я хочу съесть пьяную курицу из ресторана Первый под небесами. С того самого года, когда праздновали твою сдачу экзаменов на звание цзиньши, я не могу забыть этот вкус! — Лянцзянь обнял его за пояс и начал ласково капризничать.

Гу Цзинмо оставался таким же мягким и элегантным, как и прежде, но взгляд, которым он смотрел на Лянцзяня, был полон такой нежности, словно в его глазах отражались все облака мира:

— Хорошо, вернемся — сразу же пойдем туда.

Лянцзянь довольно чмокнул его в щеку и радостно побежал на улицу дразнить голубей.

Гу Цзинмо, укладывая личные вещи, вдруг увидел на самом дне сундука нательную рубаху, пропитанную кровью. Кровь давно засохла, вещь была старой.

Это заставило его невольно вспомнить те годы.

Когда Лянцзянь лежал у него на руках, едва дыша.

То чувство сердечного трепета до сих пор преследовало его, заставляя просыпаться в холодном поту посреди ночи.

Чжэн Даонянь давно был изрублен на куски, но он все еще жил в страхе.

Только крепко обнимая спящего рядом человека и слушая его ровное, сильное сердцебиение, он мог обрести покой и уснуть.

В тот день.

Лянцзянь лежал на коленях у Гу Цзинмо, почти не дыша, но его кадык быстро двигался, словно он пытался что-то сказать.

Гу Цзинмо наклонился, прижавшись к нему, и лишь тогда разобрал слова.

Он, до этого рыдавший так, что сердце разрывалось, с покрасневшими глазами, вдруг рассмеялся от этих слов.

Лянцзянь жалобно прошептал:

— Мне кажется... меня еще можно спасти.

Для Гу Цзинмо эти слова прозвучали как небесная музыка, вырвавшая его из самого ада.

Именно в тот миг он осознал: если Лянцзяня не станет, его жизнь превратится в стоячую воду.

Его сердце билось только ради Лянцзяня, и кровь кипела только ради него.

В летописях сказано: Гу Цзинмо из знатного рода обладал талантом государственного мужа, пользовался доверием, в тридцать лет стал канцлером, в сорок получил титул хоу. Скончался в Чжантае в возрасте девяноста лет.

В главном пространстве.

— Получил титул хоу и пост канцлера, занимал высшую должность, прожил достойную жизнь.

— Лянцзянь довольно моргнул, глядя, как рекой текут очки баллов. — Система, я же говорил, что у меня судьба приносить удачу мужу!

Система: — Да-да, госпожа высшего ранга, переходим в следующий мир?

— Поехали!

Нежные цветы трудно сорвать (1)

Первая городская средняя школа.

Кабинет преподавателей словесности.

— Учитель Чжао, беда! Сюй Шанлу издевается над одноклассником, затащил его в туалет, никто не смеет войти, не знаем, что делать!

Молодой человек за рабочим столом, проверявший тесты, поднял голову. У него была утонченная внешность, бледная кожа — типичный восточный красавец. Брови слегка изогнуты, под ними большие длинные глаза с веками, чуть опущенными к внешним уголкам, — взгляд глубокий и сдержанный. Маленький нос, прямой мостик, красивые губы, уголки которых всегда слегка приподняты.

Когда он смотрел на людей, даже если не улыбался, в его взгляде читалась мягкость, словно весенний ветерок.

Лянцзянь отодвинул стул и встал, ответив старосте, пришедшему с докладом:

— Я сейчас же приду. — Его голос был мягким и певучим, как у уроженца юга.

Его рост — метр семьдесят семь, фигура стройная. В белой рубашке и строгих брюках, в очках

в тонкой золотой оправе — этот облик заставлял многих девушек в школе украдкой поглядывать на него.

«Хочу закрутить роман с учителем Чжао Лянцзянем из 2-3 класса».

В начале учебного года эта тема на форуме висела в топе, будучи заваленной фотографиями, сделанными исподтишка.

Лянцзянь подумал: «Все верно, в этом мире и нужно крутить роман учитель-ученик».

Целью захвата был школьный хулиган, о котором говорил староста, — Сюй Шанлу. Говорили, что он единственный сын владельца бизнеса с многомиллиардным состоянием, и именно его семья оплатила ремонт школьного стадиона и спортзала. Поэтому руководство школы закрывало глаза на то, что Сюй Шанлу, едва набирающий триста баллов на экзаменах, попал в спецкласс.

Правда, его определили в последний класс — как раз тот, где преподавал Лянцзянь.

В этом классе собрались одни мажоры и отстающие. Сюй Шанлу, попав туда, быстро утвердился в роли «короля школы», постоянно устраивал переполох и часто вызывался в дисциплинарный отдел.

Администрация была бессильна перед этим «маленьким принцем», и завуч даже прямо сказал Лянцзяню:

— Пока он не убивает, не поджигает и не насилует, просто закрой глаза, не лезь к нему.

Не лезть?

А как тогда выполнить задание по захвату его папаши?

Лянцзянь подошел к мужскому туалету. Там уже собралась толпа, а у входа стояли несколько парней в небрежно надетой школьной форме, никого не пуская.

— Учитель идет! — кто-то выкрикнул.

Один из парней скосил глаза, увидел Лянцзяня и по-взрослому ухмыльнулся:

— Новый учитель? Не заходи, брат Сюй, когда бьет, пощады не знает, как бы тебя заодно не зацепило.

Лянцзянь сохранял невозмутимость и бросил на мальчишку предупреждающий взгляд:

— Уйдите с дороги, никто из вас не понесет ответственности, если случится беда.

— Да что такого? Просто проучим, мы знаем меру... — нагло ответил парень.

Не успел он договорить, как изнутри раздался пронзительный вопль, будто человека пырнули ножом:

— Спа-а-асите!

Черт, они что, убивают кого-то?

Парень замер, внутри у него все сжалось. Лянцзянь, увидев это, оттолкнул его и вбежал внутрь.

— Прекратить!

Он выкрикнул это во весь голос и посмотрел на двоих у окна за раковинами.

Солнечный свет падал на пол, вырисовывая искаженные тени оконных рам. У избитого парня с короткой стрижкой лицо было в синяках и ссадинах, глаза опухли, из носа и губ текла кровь — вид был жалкий.

Нападавший схватил его за воротник и прижал к окну, так что большая часть тела несчастного уже висела снаружи.

Тот вцепился в руку обидчика и рыдал:

— Не толкай, я ошибся, не убивай меня...

Нападавший стоял к Лянцзяню спиной.

Он был высоким, не меньше метра восьмидесяти шести, в черной футболке и джинсах, на его белых кроссовках виднелись капли крови.

Он даже не обернулся, его голос звучал холодно и с презрением:

— Не лезь не в свое дело.

Нежные цветы трудно сорвать (2)

«Начальное расположение цели захвата: -20», — раздался голос системы. — «Из-за врожденной неприязни к учителям как к группе».

Лянцзянь приподнял бровь.

Ненависть к учителям? Похоже на подростковый максимализм.

Он посмотрел на высокую спину семнадцатилетнего юноши и спокойно произнес:

— Это четвертый этаж, если сбросишь его, будет труп.

— Какое тебе до этого дело? — Сюй Шанлу презрительно фыркнул, все еще не оборачиваясь, и лишь сильнее толкнул парня наружу.

— Сюй Шанлу! Я не позволю тебе стать убийцей! — рявкнул Лянцзянь.

Его голос от природы был мягким, в нем не было властности, но это помогло отвлечь внимание Сюй Шанлу. Пока тот был занят, Лянцзянь бесшумно приблизился, резко схватил избиваемого парня за руку, а другой рукой оттолкнул руку Сюй Шанлу.

Парень рухнул на пол и тут же, путаясь в ногах, пополз прочь, дрожа от страха.

Сюй Шанлу удивленно обернулся, встретившись взглядом с Лянцзянем, чьи глаза были спокойны и решительны.

Справедливости ради, Сюй Шанлу был очень красив, той острой, агрессивной красотой. Четкие черты лица, прямой нос — его профиль мог заставить любую девушку визжать от восторга.

Длинные брови с резким изломом придавали ему суровый вид. Однако глаза были красивыми, глубокими, с темными зрачками, которые в этот момент, опущенные в ленивом жесте, казались нежными.

Губы — идеальной формы для поцелуев: верхняя тоньше, нижняя полнее, чувственные и красивые.

Сюй Шанлу нахмурился.

Лянцзянь не отпускал его руку, подняв лицо и пристально глядя на него — такой наглый взгляд был явным вызовом.

Сюй Шанлу низким, холодным голосом бросил:

— Отпусти.

Лянцзянь словно очнулся, разжал пальцы и принял строгий вид учителя. Он покосился на парня с короткой стрижкой, который все еще не пришел в себя:

— Ты, и ты, оба за мной в кабинет.

Сюй Шанлу усмехнулся, слегка вскинул подбородок и посмотрел на него сверху вниз:

— А если я не пойду?

Лянцзянь небрежно ответил:

— Не пойдешь? Тогда я буду вставлять тебе палки в колеса, подкину гусениц в рюкзак, например.

Сюй Шанлу опешил.

У него галлюцинации? Гусениц? Это вообще может сказать учитель?

— Ребячество.

Сюй Шанлу раздраженно дернул воротник футболки. Желание драться улетучилось из-за нелепой угрозы Лянцзяня, и он просто хотел уйти.

Лянцзянь преградил ему путь:

— Твое поведение, если начистоту, — это та же версия с гусеницами, только в более взрослом виде. Очень по-детски. Может, решим проблему как взрослые, малыш?

На лице улыбка, но в голосе — сплошная насмешка.

Малыш.

Сюй Шанлу поджал губы, прищурился, глядя на него пару секунд, а затем медленно растянул рот в ироничной усмешке:

— Ну давай.

Тем, с кем дрался Сюй Шанлу, был парень из спецкласса по имени Чжан Вэй. По его словам, он просто шел по коридору, случайно задел Сюй Шанлу, извинился, но тот не унимался и в ярости затащил его в туалет, чтобы избить.

Чжан Вэй закончил рассказ и зарыдал.

В кабинете, кроме Лянцзяня, были классный руководитель Чжан Вэя, завуч и заместитель директора.

Лянцзянь сохранял спокойствие, а остальные трое нервничали, переглядываясь.

Из-за пустяка Чжан Вэй был так избит — это выглядело как школьная травля, и Сюй Шанлу следовало бы исключить, но они не могли этого сделать.

Заместитель директора попытался сгладить углы:

— Что ж, ситуация ясна. Расходы на лечение Чжан Вэя возьмет на себя Сюй Шанлу. Шанлу, извинись перед ним, получишь выговор с предупреждением об исключении. Все согласны?

Нежные цветы трудно сорвать (3)

Выслушав заместителя директора, Сюй Шанлу усмехнулся, глядя в окно. На его лице читалось такое едкое презрение, словно он говорил: «Обыватели, не смейте со мной разговаривать».

Лянцзянь повернулся к нему и искренне спросил:

— Чжан Вэй говорит правду?

Сюй Шанлу холодно ответил:

— Вы уже решили, где истина, зачем спрашивать меня?

Этот парень — сплошной еж! Кого ни увидит, сразу выпускает иголки!

Лицо заместителя директора побагровело от неловкости.

Лянцзянь подавил желание ударить Сюй Шанлу и мягко произнес:

— Если тебя оклеветали, скажи об этом. Справедливость в сердцах людей.

Сюй Шанлу хмыкнул, засунув руки в карманы. Школьная форма на нем сидела небрежно, но это придавало ему некий шарм упадка. Он опустил глаза, пару секунд задумчиво смотрел на Лянцзяня, а затем приоткрыл губы:

— Нечего говорить. Я заплачу.

Развернулся и собрался уходить.

— Стоять. — Лянцзянь повысил голос. — Раз Чжан Вэй утверждает, что конфликт произошел в коридоре, давайте посмотрим записи с камер. — Он посмотрел на заместителя директора. — Как вы считаете? Делать выводы только со слов Чжан Вэя — это опрометчиво.

Заместитель директора кивнул.

В глазах Чжан Вэя, стоявшего рядом, промелькнул испуг.

Сюй Шанлу остановился, не оборачиваясь, и после паузы сказал:

— Как хотите.

И ушел.

Лянцзянь не стал его удерживать.

На записи с камер было видно: Чжан Вэй задел Сюй Шанлу в коридоре, тот что-то сказал, не вынимая рук из карманов. Чжан Вэй вдруг возбужденно начал толкать его в плечи и первым нанес удар.

Затем Сюй Шанлу, разозлившись, ударил его ногой, повалил на пол и потащил за воротник в туалет.

— Ученик, — Лянцзянь посмотрел на Чжан Вэя, — кажется, ты не такой уж невинный.

Чжан Вэй побледнел. Он был примерным учеником, не хотел выговора и пробормотал:

— Он оскорбил меня, я не сдержался и ударил первым.

Классный руководитель Чжан Вэя раздраженно сказал:

— Учитель Чжао, все знают, кто такой Сюй Шанлу. Он — паршивая овца. Не будьте предвзяты только потому, что он ваш ученик. Он чуть не выбросил Чжан Вэя из окна, он потенциальный убийца.

Лянцзянь оставался спокойным:

— Я сужу по фактам, а не по людям. Сюй Шанлу, конечно, нужно наказать, но сначала нужно во всем разобраться.

...Сюй Шанлу курил, прислонившись к стене, когда неподалеку раздался кашель.

Лянцзянь стоял там с планом урока, брезгливо сморщился:

— Потуши сигарету.

Сюй Шанлу выдохнул кольцо дыма, повернул голову и небрежно бросил:

— С какой стати мне тебя слушать? Курю, где хочу.

Лянцзянь подошел и попытался выхватить сигарету у него из пальцев:

— Такой молодой, организм еще не окреп, а он курит!

— Черт, ты не слишком много на себя берешь? — Сюй Шанлу изумился и поднял руку повыше, чтобы тот не достал.

Лянцзянь начал подпрыгивать, вытягивая руку.

Они стояли так близко, что их груди почти соприкасались. Сюй Шанлу чувствовал горячее, сладковатое дыхание Лянцзяня.

Он с любопытством смотрел на капельки пота на ключицах Лянцзяня, а затем двумя пальцами сам потушил сигарету и бросил в урну.

— Хватит прыгать, не позорься.

Лянцзянь довольно кивнул:

— Вот это другое дело. Я пришел сказать, что твое доброе имя восстановлено.

Нежные цветы трудно сорвать (4)

— Доброе имя? Какое еще имя? — Сюй Шанлу опирался на стену, лениво глядя на Лянцзяня.

Кстати говоря, этот учитель Чжао был белокожим и красивым, на руках, выглядывающих из рукавов, почти не было волос, а на солнце кожа просто светилась.

«Пф, как у девки», — презрительно подумал Сюй Шанлу.

Лянцзянь сделал полшага назад и серьезно сказал:

— Несколько учеников-свидетелей восстановили твою репутацию.

После того как Чжан Вэй задел его, Сюй Шанлу лишь холодно спросил: «Глаза дома забыл?», а Чжан Вэй пришел в ярость, начал сыпать оскорблениями и первым ударил. А в итоге сам наварвался на неприятности.

— Но твое поведение при драке было отвратительным, так что решение заместителя директора остается в силе, — улыбнулся Лянцзянь.

Сюй Шанлу недоуменно спросил:

— Тогда зачем ты все это затеял?

Все равно его накажут.

Лянцзянь мягко ответил:

— Потому что вина не только на тебе. Чжан Вэй тоже понесет наказание: мы лишили его стипендии и вынесли строгий выговор.

— Восстановить истину, вынести справедливый приговор, очистить твое имя — разве это не хорошо?

Сюй Шанлу крепко сжал губы.

Он привык быть козлом отпущения. Иногда чужие драки вешали на него, никто не верил, что он невиновен, никто не заступался за него.

Он был тем, от кого все отказались.

А Лянцзянь, даже увидев, как он дерется, смог остаться беспристрастным...

— Мне все равно, — спокойно сказал Сюй Шанлу.

Не успел он договорить, как Лянцзянь вдруг весь затрясся, сдерживая смех:

— Да-да, тебе все равно.

— ... — Сюй Шанлу ничего не понял.

Он не знал, что только что Лянцзянь услышал системное сообщение: «Отношение цели захвата: 0».

В душе он тронут, а на лице — холод, Лянцзяня позабавила эта его «милота на контрасте».

...Прозвенел звонок, Лянцзянь вошел в класс, чтобы начать урок словесности.

— Сегодня мы изучаем текст из «Десяти увещеваний Чжантая», написанный канцлером Гу Вэньюном из Северной династии во время его ссылки. В этом отрывке он упрекает императора за то, что отсутствие правосудия ведет к самосудам и ложным обвинениям...

Лянцзянь считал, что преподает неплохо, большинство учеников слушали с интересом, но Сюй Шанлу, сидевший у окна, уткнулся лицом в руки и спал сном младенца.

Лянцзянь изогнул губы. Отлично, он нашел повод придраться к Сюй Шанлу.

Он подошел к нему, наклонился и внезапно крикнул прямо в ухо:

— Ха!

Сюй Шанлу резко выпрямился, еще не проснувшись, испуганный:

— Черт, кто, мать вашу, шумит...

— Я, — невозмутимо ответил Лянцзянь.

Сюй Шанлу встретился с ним взглядом и почему-то почувствовал необъяснимую вину.

— Переведи, — сказал Лянцзянь.

Сюй Шанлу понятия не имел, какой текст они изучают.

Лянцзянь улыбнулся, выражение его лица стало коварным:

— Хватит спать, умница, иди сделай пару отжиманий. — Он вежливо поклонился и указал пальцем на кафедру.

В тот же миг десятки глаз уставились на Сюй Шанлу, в классе послышался шепот.

Лицо Сюй Шанлу покраснело. Неизвестно, оттого ли, что на него смотрят, или от слова «умница».

Но вскоре он разозлился, посчитав себя оскорбленным, скрестил руки на груди и холодно сказал:

— Веди свой урок и не лезь ко мне.

Лянцзянь внезапно поднял руку и слегка коснулся его щеки, улыбнувшись сладко и опасно:

— Я хочу тебя донимать, нельзя?

Прохладные пальцы быстро скользнули по лицу, словно прикосновение пуха.

У Сюй Шанлу по спине пробежали мурашки.

Нежные цветы трудно сорвать (5)

Сюй Шанлу, конечно, не стал покорно отжиматься на кафедре на потеху всей публике, это не соответствовало его статусу школьного хулигана.

С помрачневшим лицом он вскочил и вышел из класса.

Лянцзянь проводил его взглядом, уголки его губ приподнялись в загадочной улыбке, но, повернувшись к классу, он сказал:

— Продолжаем урок. — Словно ничего не произошло.

Он услышал, как ученики шепчутся: «Учитель Чжао разозлил Сюй Шанлу, ему конец».

Конец?

Лянцзянь приподнял бровь. Посмотрим.

Тем временем, в интернет-кафе.

— Брат Сюй, как проучим его? Приказывай. — Чу Ян, тот самый парень, что стоял у дверей туалета, был главным приспешником Сюй Шанлу. Узнав, что тот был унижен на уроке, он сразу же загорелся желанием проучить Лянцзяня.

Остальные подхватили:

— Наденем ему мешок на голову и побьем. Или нагадим под дверь.

Сюй Шанлу, закусив сигарету, быстро стучал по клавиатуре, одним выстрелом в голову уложив противника.

<http://bllate.org/book/21563/2220087>